

РЕБЕККА
Часть

ФОНТАН
ПЕРЕПОЛНЯЕТСЯ

Перевод
Любови Карцивадзе

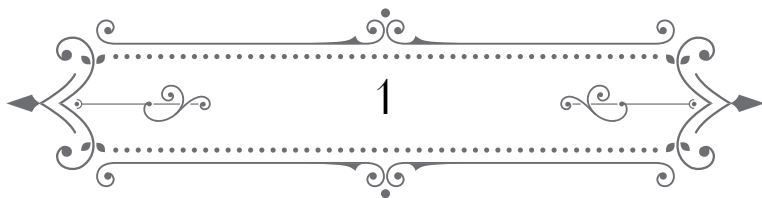
[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИФ

*Моей сестре
Летиции Фэйрфилд*

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Наступила такая долгая пауза, что я начала сомневаться, заговорят ли родители когда-нибудь друг с другом снова. Не то чтобы я боялась, что они поссорились — ссоры случались только у нас, детей, — но оба они словно погрузились в сон. Потом папа нерешительно сказал:

— Знаешь, дорогая, мне жаль, что так вышло.

Мама ответила едва ли не раньше, чем он договорил:

— Это не будет иметь значения, если на сей раз все получится. Ведь все получится, правда?

— Да-да, несомненно, — в голосе папы послышался сарказм. — Думаю, я справлюсь со своими задачами. Думаю, я справлюсь с работой редактора в маленькой пригородной газетке.

— О мой дорогой Пирс, я знаю, что ты достоин большего, — тепло сказала мама. — Но все-таки какой же это подарок судьбы, какое счастье, что мистер Морпурго владеет газетой, и как любезно с его стороны, что он хочет помочь тебе... — Она осеклась, не закончив фразы.

— Снова, — отстраненно подсказал ей папа. — Да, и впрямь странно, что такой богач, как Морпурго, возится с газетенкой вроде «Лавгроув газетт». Говорят, она приносит неплохую прибыль, но для крупного капиталиста это сущий пустяк. Впрочем, полагаю, когда нагребашь столько сокровищ, среди алмазов и самородков попадается и пустая порода. — Он снова

впал в оцепенение. Его серые глаза, блеснувшие из-под прямых черных бровей, уставились в стены фермерской гостиной. И хотя я была тогда ребенком, я знала, что сейчас он представляет, каково это — быть миллионером.

Мама взяла коричневый чайник, вновь наполнила папину и свою чашки и вздохнула. Папа посмотрел на нее.

— Тебе не хочется оставаться здесь, в этом забытом Богом месте?

— Нет-нет, мне везде хорошо, — ответила она. — К тому же я всегда хотела, чтобы дети провели каникулы на Пентландских холмах, как и я в их возрасте. Для детей нет ничего лучше жизни на ферме; по крайней мере, так говорят, не представляю почему. Но вот сдавать квартиру с мебелью мне не по душе. Такой стыд...

— Знаю, знаю, — с досадой оборвал ее папа.

Все это происходило больше пятидесяти лет назад, и родители беспокоились не на пустом месте. В те времена среди порядочных хозяев было не принято сдавать свои дома вместе с мебелью, а среди порядочных жильцов — их снимать.

— Конечно, у этих австралийцев есть веская причина искать жилье на лето, ведь они приехали, чтобы навещать свою дочь в лечебнице доктора Филлипса, но оставлять чужих людей в квартире с хорошей мебелью так рискованно, — пробормотала мама.

— Да, полагаю, она кое-чего стоит, — задумчиво проронил папа.

— Ну разумеется, это всего лишь ампир, но в своем роде она лучшая, — ответила мама. — Тетя Клара купила ее во Франции и Италии, когда вышла замуж за скрипача-француза. Все крепкое и удобное, пусть даже и не Чиппендейл*, но стулья с лебедями и те, другие, с головами

* Стиль мебели, названный в честь дизайнера Томаса Чиппендейла. *Прим. ред.*

дельфинов, весьма недурны, а шелка с пчелами и звездами очень красивые. Все это очень пригодится, когда мы начнем жизнь с чистого листа в Лавгроуе.

— В Лавгроуе, — повторил папа. — Право, как странно будет вернуться в Лавгроув. Роуз, разве не странно, что я повезу вас туда, где гостил, когда был таким же маленьким, как ты? — сказал он, протянув мне кусочек сахара.

— Дядя Ричард Куин тоже гостил там? — спросила я. Папин брат умер от лихорадки в Индии, когда ему был двадцать один год. При крещении ему дали имя Ричард Куинбури, чтобы отличать его от другого Ричарда в семье, и папа так сильно его любил, что назвал в честь него нашего младшего брата. А поскольку братика мы обожали, нам казалось, что мы лишились замечательного дяди, и пытались воскресить его по папиным рассказам.

— Да, мы гостили там вместе, потому я и помню это так хорошо, — ответил папа. — Места, где я бывал без него, почти стерлись из памяти.

— Может, удастся найти нам дом где-нибудь неподалеку, — предположила мама. — Детям бы это понравилось.

— Никак не вспомню название того места. Ах да, Кэрролайн Лодж. Но его наверняка давным-давно снесли. Дом был маловат, но очень мил.

Мама вдруг рассмеялась.

— С чего ты взял, что его снесли? Ты так пессимистично настроен ко всему, кроме будущего медных рудников...

— Рано или поздно медь поднимется в цене, — сказал папа холодным от внезапного гнева голосом.

— Дорогой, не обижайся на мои слова! — воскликнула мама. Мы обе встревоженно посмотрели на него, и через минуту папа улыбнулся. Но все равно взглянул на часы и объявил, что пора возвращаться на станцию, если он хочет успеть на шестичасовой поезд до Эдинбурга; глаза его потухли, и он снова приобрел тот потрепанный, обнищавший

вид, который иногда замечали даже мы, дети. Мама нежно произнесла:

— Что ж, конечно, не стоит опаздывать на поезд, чтобы не пришлось несколько часов ждать следующий, еще и на этой насквозь продуваемой маленькой станции, хотя, видит бог, нам бы хотелось побыть с тобой подольше. О, как великодушно с твоей стороны помочь мне привезти сюда детей, когда у тебя столько других забот!

— Это меньшее, что я мог сделать, — тяжело ответил он.

Пока подавали двуколку, мы вышли на полированное пемзой крыльцо фермерского дома. Выгон перед нами тянулся до берегов озера — темного, блестящего, идеально круглого в обрамлении серо-зеленой долины. На полпути к воде виднелись два белых пятнышка — моя старшая сестра Корделия и моя близняшка Мэри, и одно синее — мой младший брат Ричард Куин. К тому времени он уже достаточно подрос, чтобы очень быстро бегать, падать, не причиняя себе вреда, лепетать, смеяться и дразниться; мы без усталости играли с ним дни напролет.

Мама окликнула их, чуть запрокинув голову, и голос ее унесся вдаль, словно птичий крик:

— Дети, идите попрощайтесь с отцом!

На мгновение сестры застыли. В этом чудесном новом месте они забыли о беде, которая над нами нависла. Корделия подхватила Ричарда Куина на руки и быстро, но осторожно поспешила к нам; а потом мы вчетвером стояли и во все глаза глядели на папу, чтобы как можно лучше помнить его в те ужасные шесть недель, что проведем в разлуке. Пожалуй, не стоило смотреть так пристально: он был такой чудесный. Мы не идеализировали его по-детски; о некоторых вещах мы судили довольно объективно. Мы знали, что мама нехороша собой. Слишком худая, с блестящими, словно кость, носом и лбом и вечно искаженным от нервного напряжения лицом. Вдобавок мы были так

бедны, что она никогда не носила новой одежды. Зато мы сознавали, что наш папа гораздо красивее, чем папы других детей. Невысокий, но стройный и грациозный, с осанкой, как у фехтовальщика на картинке, мрачный, как романтический герой; его волосы и усы были по-настоящему черными, кожа смуглой от загара, а щеки слегка розоватыми; из-за высоких скул он казался хитрым и напоминал кота — в лице его не было ни намека на глупость. Кроме того, он знал все на свете, побывал во всех уголках мира, даже в Китае, умел рисовать, резать по дереву и мастерить фигурки и кукольные домики. Иногда он играл с нами и рассказывал истории, и тогда каждый миг рядом с ним приносил почти невыносимое счастье, такое сильное, что оно всегда достигало врассплах. Правда, случалось, он не замечал нас по несколько дней, что тоже было невыносимым. Но сейчас и это равнодушие казалось лучше, чем разлука на шесть недель.

— Дети, дети, скоро мы снова будем вместе, — сказал папа, — и вам здесь понравится! — Он указал на холмы за озером. — Еще до конца каникул они станут лиловыми. Вам понравится.

— Лиловыми? — Мы не понимали, что он имел в виду. Все мы родились в Южной Африке и покинули ее меньше года назад.

Когда он описал, как цветет вереск, Корделия, которая была старше нас с Мэри почти на два года, чем частенько пользовалась, шумно вздохнула и сказала:

— О боже! Меня ждут кошмарные каникулы. Дети станут постоянно разбредаться, чтобы на него посмотреть, и теряться в холмах, а мне придется бегать за ними и возвращать. Да еще это озеро, в которое они непременно упадут.

— Дура, мы обе плаваем не хуже тебя, — пробурчала Мэри, и действительно: все мы, девочки, еще в раннем детстве научились плавать на южноафриканском побережье.

Мама услышала и сказала:

— О Мэри, не ссорься сейчас с Корделией.

И Мэри ее поддразнила:

— А когда можно?

Корделия состроила гримасу отчаяния, словно человек, несущий незаметное для мира тяжелое бремя, и я прошептала Мэри:

— Потом надерем ей уши.

Но потом мы отвлеклись на мамины слова.

— Значит, я верно поняла, что завтра ты приедешь в Лондон и, надо полагать, сразу же посетишь мистера Морпурго?

— Нет, — ответил папа. — Нет, я отправлюсь прямиком в редакцию в Лавгроуве.

— И не повидаешь мистера Морпурго? Не поблагодаришь его? О, но ведь он, несомненно, ожидает, что ты в первую очередь поедешь к нему.

— Нет, — сказал папа. — Он говорит, что не хочет меня видеть. — Мамин взгляд застыл, и папа презрительно хмыкнул. — Он всегда был робким малым. Сейчас его что-то задело, и, по его словам, он рад, что я стану редактором в его газете, но мне лучше иметь дело с одним из управляющих, которые занимаются подобными мелочами, и нам незачем встречаться. Пусть он поступает по-своему, хоть мне и непонятно, какая муха его укусила.

Мама, вероятно, понимала больше.

— Ну что ж, — проговорила она, судорожно вздохнув. — Ты сразу же поедешь в редакцию в Лавгроуве и уладишь все насчет работы, поищешь нам дом, потом съездишь в Ирландию повидать своего дядю, а потом я привезу детей и мебель, чтобы успеть подготовиться к началу триместра в школе и твоему выходу на работу первого октября. Все так и будет, верно?

— Да-да, дорогая, — ответил он, — именно так.

Папа поцеловал нас всех, начиная с Корделии и заканчивая Ричардом Куином, он всегда строго соблюдал этот

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

